ВОСПИТАНІЕ ВЪ АНГЛІИ*).

(изъ книги Тэна: Notes sur l'Angleterre. P. 1872).

Я посѣтилъ Harrow-on-the-Hill и видѣлъ также Итонъ. Гарро, Итонъ, Рэгби суть главнѣйшія среднія учебныя заведенія Англіи, и соотвѣтствуютъ приблизительно нашимъ большимъ лицеямъ; въ Итонѣ около 800 воспитанниковъ, въ двухъ остальныхъ по 500, начиная съ тринадцати и до осьмнадцатилѣтняго возраста. Но между этими школами и нашими лицеями—разница громадная, и никакое другое сравненіе не можетъ лучше выказать контраста, существующаго между двумя народами. Мнѣ сказали, что я могу принять Итонъ за образецъ.

Заведеніе это вполнѣ самостоятельное, частное, не получающее субсидій отъ государства; основано оно было нѣкогда на сумму, оставленную однимъ завѣщателемъ и слѣдовательно имѣетъ свои собственныя имущества и постоянный доходъ. По временамъ доходъ оченъ великъ; въ Гарро же онъ незначителенъ (1.100 фунтовъ стер.). Но великъ ли или малъ доходъ, имъ завѣдуетъ совѣтъ распорядителей, назначаемыхъ по выборамъ. Здѣсь ихъ числомъ десять человѣкъ; всѣ они знатные вельможи и окрестные помѣщики, и имъ дана власть произво-

*) Въ прошломъ году мы представили въ статьѣ «*Новѣйшіе идеалы воспитанія*» очеркъ благихъ сторонъ воспитанія въ Англіи. Въ настоящей статьѣ, извлеченной изъ новѣйшей книги извѣстнаго Тэна, нѣсколько разъ посѣтившаго Англію и говорящаго о жизни ея на основаніи собственныхъ наблюденій,—мы приводимъ, для полноты картины, правдивое указаніе темныхъ сторонъ англійскаго воспитанія, и въ особенности внутренняго строя тѣхъ заведеній, которыя нѣкоторые педагоги-англоманы хотѣли бы сдѣлать вѣковѣчнымъ образцомъ и для нашихъ школъ.

дить всѣ необходимыя большія перемѣны и избирать head-master'а. По существеннѣйшую часть всего механизма составляетъ общество професоровъ—содержателей пансіоновъ; каждый изъ нихъ читаетъ какой нибудь предметъ (греческій, латинскій, французскій языкъ, математику и т. д.) и сверхъ того даетъ квартиру и столъ пансіонерамъ (отъ десяти до тридцати у каждаго). Когда у професора живетъ не болѣе десяти человѣкъ, они обѣдаютъ за однимъ столомъ съ нимъ и его семействомъ; иногда же, когда ихъ числомъ болѣе, они обѣдаютъ за двумя столами подъ предсѣдательствомъ нѣсколькихъ дамъ.—Обыкновенно пансіонеры живутъ по двое въ одной комнатѣ; старшіе же имѣютъ отдѣльное помѣщеніе. Такимъ образомъ ребенокъ, попавъ въ школу, находитъ въ ней какъ бы отраженіе родительскаго дома, тѣмъ болѣе, что въ Англіи семьи всегда многочисленны. У него своя квартира, онъ обѣдаетъ въ обществѣ дамы, онъ остается отдѣльной личностью въ кругу такихъ же личностей; онъ живетъ въ средѣ вполнѣ естественной и нормальной, и не подвергается, какъ у насъ, казарменному комунизму.

Вотъ еще другое различіе: лицей у насъ обыкновенно ничто иное какъ большой каменный ящикъ, въ который входятъ чрезъ отверстіе, снабженное рѣшеткой и сторожемъ; внутри находится нѣсколько дворовъ, похожихъ на лужайки,—изрѣдка жалкій рядъ деревьевъ, за то множество стѣнъ. Такъ какъ ящикъ этотъ находится всегда въ большомъ городѣ, то молодой человѣкъ, выйдя за рѣшетку, находитъ и по ту сторону, какъ и внутри, только камень и известь. Здѣсь же школа помѣщается въ маленькомъ городѣ, съ сотней свободныхъ выходовъ въ деревню. Въ Итонѣ, вокругъ стараго центральнаго двора я видѣлъ розаны, плющъ, жимолость, вьющуюся вдоль зданій; далѣе разстилаются богатыя пастбища, надъ которыми громадные вязы простираютъ свои вѣковыя вѣтви; рядомъ съ ними сверкаютъ изумрудныя волны рѣки, гдѣ плаваютъ лебеди; на островахъ пасутся стада; еще далѣе теченіе изворачивается и теряется на горизонтѣ между зеленью. Въ Гарро ландшафтъ менѣе граціозенъ, но нѣтъ недостатка въ зелени и свѣжемъ воздухѣ; поляна въ пять или шесть гектаровъ принадлежитъ къ школѣ и служитъ мѣстомъ для игры въ крикетъ. Маленькіе воспитанники въ черныхъ курткахъ, большіе въ черныхъ сюртукахъ, съ маленькой соломенной шляпкой на головѣ, попадались мнѣ не только въ городѣ, но и внѣ города, вдоль изгородей, на берегу прудовъ; ихъ запачканные

грязью сапоги свидѣтельствуютъ о томъ, что они находятся постоянно на большихъ дорогахъ и въ сырыхъ полянахъ.—Такимъ образомъ, отроческіе годы проходятъ у насъ подъ какою-то искусственной оболочкой, сквозь которую проникаетъ нравственная и физическая атмосфера столицы; у нихъ же они проходятъ на вольномъ воздухѣ, безъ всякаго стѣсненія, посреди полей, воды и лѣсовъ. А для тѣла, воображенія, ума и характера весьма важно развиваться въ средѣ здоровой, безмятежной и приноровленной къ естественнымъ требованіямъ человѣческихъ инстинктовъ. Вообще, человѣческая природа пользуется здѣсь большимъ уваженіемъ и неприкосновенностью. При этой системѣ воспитанія, дѣти походятъ на деревья англійскихъ парковъ: при нашей—на подстриженныя въ линію аллеи Версаля. Здѣсь, на примѣръ, дѣти почти также свободны, какъ и студенты; они обязаны присутствовать въ класахъ, на репетиціяхъ, являться къ обѣду и возвращаться вечеромъ къ опредѣленному часу; остальная часть дня, въ ихъ распоряженіи и отъ нихъ зависитъ проводить ее какъ имъ угодно. Единственная обязанность ихъ въ часы досуга—это приготовленіе заданныхъ уроковъ, но они могутъ приготовлять ихъ гдѣ и когда захотятъ; они работаютъ у себя или въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ. Я вижу нѣкоторыхъ, которые учатся въ библіотекѣ; другіе занимаются, сидя гдѣ-нибудь на перилахъ. Они слѣдуютъ своему влеченію и бродятъ, гдѣ хотятъ. Ихъ можно встрѣтить на улицѣ, у кондитера, у колбасника; они гуляютъ по деревнямъ, удятъ рыбу, бѣгаютъ на конькахъ, купаются, ищутъ птичьи гнѣзда. Они полные хозяева своего времени и своихъ денегъ, устраиваютъ другъ для друга угощенія, покупаютъ украшенія для своихъ комнатъ. Если они надѣлаютъ долговъ, то маленькое имущество ихъ продается съ аукціона. Такимъ образомъ въ ихъ рукахъ находится инціатива и отвѣтственность; любопытно видѣть ребятишекъ двѣнадцати лѣтъ, которымъ дано все значеніе взрослыхъ людей.

Восемь часовъ занятій въ день—вотъ maximum: чаще всего занимаются отъ шести до семи часовъ; у насъ же на это идетъ одиннадцать, что̀ весьма безразсудно. Юношеству нужно движенія, принудить же его работать только мозгомъ, вести сидячую жизнь калѣки, противно природѣ. Здѣсь атлетическія упражненіе, игра въ шары, въ мячъ, бѣга, въ особенности же крикетъ наполняютъ часть дня; кромѣ того, два или три раза въ недѣлю

класы кончаются въ двѣнадцать часовъ, чтобъ уступить имъ мѣсто. Къ этому примѣшивается самолюбіе; каждая школа хочетъ торжествовать надъ своими соперницами и посылаетъ на конкурсы избранныхъ и хорошо выдержанныхъ гребцовъ и игроковъ. Гарро иобѣдилъ Итона въ прошедшемъ году и надѣется сдѣлать тоже самое и въ нынѣшнемъ. Въ настоящее время одиннадцать человѣкъ изъ старшихъ и наиболѣе ловкихъ воспитанниковъ борятся за честь школы противъ одиннадцати игроковъ, пріѣхавшихъ изъ Лондона; два знаменщика, съ знаменами въ рукахъ опредѣляютъ границы; сотни молодыхъ людей стоятъ по флангамъ на нѣкоторомъ разстояніи и привѣтствуютъ удачные удары. Дѣло весьма серьезно; противники принадлежатъ къ знаменитому клубу игроковъ въ крикетъ, отличаются замѣчательною ловкостью, силою и хладнокровіемъ; молодежь имѣетъ полное право пристраститься къ упражненію, изъ котораго даже серьезные люди дѣлаютъ здѣсь главную цѣль жизни.—Въ самомъ дѣлѣ, въ этой странѣ есть джентльмены, образъ жизни и стремленія коихъ ничѣмъ не отличаютъ ихъ отъ греческихъ атлетовъ; они придерживаются особеннаго рода пищи, воздерживаются отъ всякого излишества въ ѣдѣ или питьѣ, развиваютъ свои мышцы и подвергаютъ себя цѣлой системѣ дресировки. Хорошо подготовленные, они идутъ состязаться на призы въ крикетъ и въ гонкѣ лодокъ на всѣхъ большихъ играхъ Англіи и даже за предѣлами ея—въ Америкѣ. Мнѣ говорили о партіи, состоящей изъ одиннадцати крикетеровъ, отправившейся съ этою цѣлью въ Австралію, подобно тому, какъ въ былые дни атлеты изъ Марселя ходили на олимпійскія игры. Нѣтъ ничего удивительнаго, если отрочество одушевляется энтузіазмомъ къ такимъ всѣми уважаемымъ играмъ: глава одиннадцати игроковъ въ крикетъ, капитанъ осьми гребцовъ, болѣе важныя лица въ школѣ, чѣмъ первый ученикъ (*гуманистъ*) въ класѣ.

Вотъ ужь первые зародыши асоціаціи, гдѣ пріучаются повелѣвать и повиноваться, такъ какъ каждая партія, играющая въ крикетъ, подчиняется извѣстной дисциплинѣ и избираетъ вождя.—Но этотъ принципъ прилагается въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ: дѣти и молодые люди образуютъ цѣлую организацію, нѣчто въ родѣ маленькаго самостоятельнаго государства, имѣющаго своихъ начальниковъ и свои законы. Начальниками служатъ воспитанники старшаго класса (sixth form), вто-

ростепенное начальство составляютъ пятнадцать главныхъ учениковъ школы (monitors), и въ каждомъ отдѣльномъ пансіонѣ—старшій ученикъ. Они надзираютъ за порядкомъ, наблюдаютъ за исполненіемъ постановленій и, вообще, замѣняютъ нашихъ надзирателей; они мѣшаютъ сильнымъ обижать слабыхъ, служатъ посредниками въ ссорахъ, разбираютъ дѣло, когда ребенокъ не поладилъ съ кѣмъ нибудь изъ сельскихъ жителей или съ лавочниками, наказываютъ провинившихся. Словомъ, здѣсь воспитанники управляются воспитанниками же, и каждый сперва подчиняется власти, потомъ самъ пользуется ею. Въ теченіи послѣдняго года, воспитанникъ становится сторонникомъ закона, наблюдаетъ за исполненіемъ его, понимаетъ его значеніе, привязывается къ нему всѣмъ сердцемъ, вмѣсто того чтобы возставать противъ него, что не преминетъ сдѣлать французскій ученикъ. За то, по выходѣ изъ школы и по вступленіи въ жизнь, онъ не такъ расположенъ считать законъ нелѣпостью и осмѣивать власть; онъ понимаетъ свободу и подчиненіе; ему легко понять общественныя условія, права и обязанности гражданина.—Кромѣ этого общаго подготовленія, есть еще частное. Старшіе образуютъ такъ называемые debating societies, гдѣ они обсуждаютъ нравственные и политическіе вопросы; глава школы считается только почетнымъ президентомъ этихъ собраній. Послѣ рѣчей молодыхъ ораторовъ, присутствующіе приступаютъ къ подачѣ голосовъ; протоколъ передаетъ вкратцѣ аргументы и пренія; это тотъ же парламентъ въ миніатюрѣ.—Кромѣ того, трое изъ старшихъ издаютъ журналъ, «Тріумвиратъ». Цѣль ихъ—«пробудить въ товарищахъ болѣе широкіе натріотическіе взгляды и заинтересовать ихъ дѣлами страны».—Они принадлежатъ къ консервативной оппозиціи, разсуждаютъ о союзѣ съ Франціей, о выборахъ и объ избирательномъ правѣ. Попадаются конечно общія мѣста и нѣкоторая напыщенность, но нѣтъ недостатка въ здравомъ смыслѣ; такъ, напримѣръ, по поводу общей подачи голосовъ, которую они желали бы расширить, но только въ извѣстной степени, они дѣлаютъ призывъ къ личному опыту молодого читателя, который во время вакацій въ деревнѣ могъ убѣдиться, что крестьяне и проектируемый разрядъ мелкихъ торговцевъ, довольно умны и образованы, чтобы правильно подавать голосъ; такимъ образомъ аргументъ становится чисто-практическимъ, берется прямо изъ фактовъ, а не изъ эфектныхъ теорій.—Я только-что прочелъ № этого журнала; безъ

сомнѣнія наши ученики риторическаго класа далеко не достигли такой степени развитія и не имѣютъ такихъ обширныхъ политическихъ свѣденій.—Прибавимъ къ этому еще черту: всѣ воспитанники или почти что всѣ—весьма религіозны; непочтительное слово поразило бы ихъ; они серьезно поютъ въ время богослуженія. Со временъ Арнольда, цѣль воспитанія—сдѣлать изъ дѣтей джентльменовъ и христіанъ; большинство изъ нихъ прилежно посѣщаетъ церковь, ходитъ къ причастію и безъ принужденія молится по вечерамъ. Поэтому, когда они вступаютъ въ свѣтъ, они становятся защитниками, а не противниками всякаго духовнаго учрежденія и народной религіи.

Отовсюду я прихожу къ тому же заключенію: въ Англіи нѣтъ большого различія между жизнью ребенка и взрослаго человѣка; школа и общество находятся на одномъ уровнѣ; никакая стѣна, никакой ровъ не отдѣляютъ ихъ другъ отъ друга; первая ведетъ и подготовляетъ ко второй. Юноша не выходитъ въ свѣтъ, какъ у насъ, изъ какой-то теплицы, раздѣленной на правильныя клѣтки, изъ особенной атмосферы и изъ исключительнаго образа жизни. Его не смущаетъ, не сбиваетъ съ толку перемѣна воздуха; онъ не только развивалъ свой умъ, но изучалъ также и жизнь. У него не только есть мысли, но мысли его вполнѣ приспособлены къ тому міру, въ который онъ вступаетъ. Въ политикѣ, въ религіи онъ, двадцати лѣтъ отъ роду, находитъ готовыя рамки, къ которымъ какъ нельзя лучше примѣнены его вкусы и способности. Такимъ образомъ, онъ гораздо легче избѣгаетъ скептицизма, быстрѣе пріобрѣтаетъ степенность, меньше блуждаетъ, ища дѣла для своихъ силъ.—Всѣ тѣ воспитанники, которые попадаются мнѣ въ классѣ, въ поляхъ и на улицѣ, имѣютъ здоровый и дѣятельный, рѣшительный и энергическій видъ. Очевидно, на мои глаза по крайней мѣрѣ, они въ то же время болѣе дѣти и болѣе взрослые, чѣмъ молодое поколѣніе у другихъ народовъ; дѣти потому, что они болѣе любятъ игру и менѣе расположены переступать за предѣлы своего возраста; они взрослые потому, что они свободнѣе, болѣе способны управлять сами собою и дѣйствовать самостоятельно.—Напротивъ того, французскій ученикъ, въ особенности живущій въ самой школѣ, скученъ, озлобленъ, хитеръ и преждевременно развитъ; онъ находится въ клѣткѣ и воображеніе его бродитъ.—Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, во всемъ, что касается образованія характера,—англійское воспитаніе лучше: оно вѣрнѣе подготовляетъ къ жизни и вырабатываетъ болѣе здоровую душу.

«Когда я задумалъ свою книгу, говоритъ авторъ извѣстнаго романа «Томъ Броунъ», я старался представить себѣ наиболѣе распространенный типъ маленькаго англичанина изъ средняго образованнаго сословія, какого показалъ мнѣ мой личный опытъ, и я добросовѣстно выдержалъ этотъ типъ съ одного конца моего расказа до другого, стараясь только создать хорошій образецъ этого рода характеровъ». Задуманная такимъ образомъ книга имѣла громадный уснѣхъ; юноши и вполнѣ зрѣлые люди узнавали себя въ предлагаемой картинѣ, и мы можемъ воспользоваться ею, допустивъ съ авторомъ, что если онъ и не польстилъ оригиналу, то отнесся къ нему дружелюбно.—Ни Томъ, ни отецъ его не заботятся много объ ученіи.—«Какой совѣтъ дамъ я ему? спрашиваетъ себя отецъ.—Посовѣтую ли я ему быть прилежнымъ, скажу ли я, что его посылаютъ въ школу, чтобъ онъ хорошо изучилъ греческій и латинскій языкъ? Нѣтъ, его въ школу посылаютъ не для этого. Я не далъ бы гроша для того, чтобъ онъ выучился греческимъ частямъ рѣчи или дигаммѣ,—и мать его также. Такъ зачѣмъ же его посылаютъ въ школу? Во первыхъ, затѣмъ, что ему хочется туда идти. Пусть онъ сдѣлается честнымъ англичаниномъ, полезнымъ, услужливымъ, правдивымъ, джентльменомъ и христіаниномъ—вотъ все, что я желаю.—И когда Томъ, нѣсколько лѣтъ спустя, спрашиваетъ себя, зачѣмъ онъ попалъ въ школу, онъ отвѣчаетъ послѣ нѣкотораго раздумья: мнѣ хотѣлось быть первымъ въ крикетѣ, въ игрѣ въ мячъ и во всѣхъ другихъ играхъ, умѣть хорошо владѣть своими кулаками, чтобъ защитить мою голову отъ кулаковъ всякаго другого человѣка, джентльмена или простолюдина. Мнѣ хотѣлось унести отсюда столько знанія латинскаго и греческаго языковъ, чтобы съ честью продержаться въ университетѣ. Мнѣ хотѣлось бы оставить здѣсь послѣ себя репутацію человѣка, который никогда не притѣсняль маленькихъ и не обращался въ бѣгство передъ большими.—Слова эти замѣчательны и хорошо выражаютъ обыкновенныя чувства отцовъ и дѣтей въ Англіи; наука и умственное развитіе стоятъ на заднемъ планѣ: характеръ, сердце, мужская сила и физическая ловкость—на первомъ. Такое воспитаніе вырабатываетъ бойцовъ въ нравственномъ и физическомъ отношеніи, со всѣми преимуществами, но и со всѣми неудобствами, неразлучными съ подобнымъ направленіемъ ума и тѣла.

Между многими дурными результатами этого воспитанія, слѣ-

дуетъ упомянуть о развитіи грубыхъ инстинктовъ. «Первое мѣсто въ школѣ занимаютъ игры, говорилъ одинъ изъ преподавателей въ Итонѣ, второе—книги». Вся гордость ребенка состоитъ, какъ мы видимъ это у Тома Броуна, въ томъ, чтобъ быть хорошимъ атлетомъ, онъ проводитъ три, четыре, пять часовъ въ день въ шумныхъ и усиленныхъ упражненіяхъ. Во время бѣговъ въ перегонку (Hares and Hounds) воспитанники вязнутъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ въ вспаханныхъ поляхъ и тонкихъ долинахъ, падаютъ въ грязь, теряютъ обувь, выкарабкиваются какъ знаютъ. При игрѣ въ мячъ (Foot ball), одинъ отрядъ устремляется на другой, ребенокъ, находящійся внизу, выноситъ тяжесть всѣхъ остальныхъ; нерѣдко случается при этомъ вывихъ руки или ноги или переломъ ключицы. Въ крикетѣ громадный шаръ бросается съ такою силою, что роняетъ неискуснаго игрока, если онъ не умѣетъ уберечься. Почти всѣ игры влекутъ за собою ушибы; оставаться нечувствительнымъ къ нимъ считается честью, и по этому вполнѣ естественно, что ушибы причиняются съ такою же легкостью, какъ и переносятся. Ребенокъ становится воинственнымъ, драчуномъ. «Драться на кулаки», говоритъ авторъ Тома Броуна, составляетъ вполнѣ естественный и чисто англійскій способъ разрѣшенія ссоръ для нашихъ дѣтей». Всѣ люди, которыхъ я встрѣчалъ, употребляли этотъ способъ въ школѣ, и онъ еще и понынѣ въ большомъ ходу. Этотъ видъ поединка имѣетъ свои особенныя правила, мѣсто, отведенное для него, публику и секундантовъ. Каждый изъ бойцовъ имѣетъ двухъ помощниковъ, которые освѣжаютъ его лице мокрой губкой и подставляютъ ему колѣно, чтобы онъ могъ отдохнуть между двумя нападеніями; стычки эти возобновляются и продолжаются иногда цѣлыхъ полчаса. По существующему правилу надо продолжать, пока остается еще возможность видѣть ясно и держаться на ногахъ; по окончаніи сраженія оказываются подбитые глаза, распухшіе и посинѣлыя щеки, иногда вывихнутый палецъ или разсѣченная губа.

Къ несчастію правила самой школы клонятъ въ ту же сторону; кромѣ pensum'а, штрафовъ и заключенія въ карцерѣ, употребляются еще и розги; въ нѣкоторыхъ школахъ достаточно, чтобы ученикъ былъ записанъ трижды на штрафной листъ, для того чтобъ онъ былъ подвергнутъ наказанію. Сегодня утромъ въ Гарро было высѣчено четыре ученика (четырнадцать ударовъ каждому, не до крови).—Эта пріятная обязанность выпадаетъ

во всѣхъ школахъ на долю начальника; врядъ ли нашелся бы во всей Франціи директоръ заведенія, который согласился бы принять на такихъ условіяхъ жалованье въ сто или въ полтораста тысячъ франковъ. Въ принципѣ, розги полагаются для всѣхъ, даже для старшихъ, но ихъ получаютъ только маленькіе и средніе воспитанники.—Странное дѣло! Наказаніе это не лишено популярности; пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, воспитанники Чартергоуза, узнавъ, что его хотѣли замѣнить штрафомъ, взбунтовались при громкихъ крикахъ: «долой штрафъ, да здравствуетъ кнутъ!» и на другой же день возобновили знакомство съ своими любимыми розгами. Професора, съ которыми я говорилъ, находятъ, что это наказаніе не унизительно и что оно развиваетъ въ дѣтяхъ стоицизмъ; по ихъ мнѣнію, побои суть естественное подавленіе порока; достаточно, чтобъ общественное мнѣніе не приписывало имъ ничего унизительнаго, и чтобы наказуемый не чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Кромѣ head-master'а, старшіе воспитанники, обязанные поддерживать дисциплину, имѣютъ также право налагать это наказаніе; для этой цѣли они въ нѣкоторыхъ школахъ вооружены тростью и пускаютъ ее въ дѣло. Здѣсь мѣсто поговорить о возмутительномъ обычаѣ, о fagging'ѣ или обязанности младшихъ быть слугами старшихъ. Обычай этотъ нѣсколько измѣнился и смягчился въ Гарро, Рэгби и нѣкоторыхъ другихъ заведеніяхъ, но самъ по себѣ онъ всегда не хорошъ, такъ какъ служитъ поводомъ для насилія, и наталкиваетъ англійскаго ребенка на то, къ чему онъ и безъ того склоненъ, именно на всѣ излишества, происходящія отъ энергическаго, вспыльчиваго, тиранническаго и рѣзкаго темперамента. Одна знакомая намъ дама, которая правда иностраннаго происхожденія, не могла рѣшиться подвергнуть своего сына fagging'у, и отдала его въ парижскій лицей. По официальнымъ свѣденіямъ, маленькіе воспитанники не что иное, какъ лакеи и рабы. Каждый изъ старшихъ окруженъ нѣсколькими маленькими, обязанными исполнять его порученія, мести его комнату, чистить подсвѣчники, жарить его хлѣбъ съ сыромъ, будить его въ назначенный часъ, присутствовать при его играхъ, иногда въ теченіи трехъ или четырехъ часовъ въ день, бѣгать за его шарами и подавать ихъ, быть къ его услугамъ во все время его занятій, подчиняться его капризамъ. Въ Вестминстерской коллегіи жизнь стипендіата въ теченіи всего перваго года не что иное какъ безпрерывное служеніе, такъ что ему невозможно найти свободнаго времени для занятій.

«Достовѣрный фактъ, говоритъ одинъ очевидецъ, что съ 1-го января по 31 декабря молодой стипендіатъ не располагаетъ ни одной минутой, которая была бы обезпечена отъ перерывовъ. Въ половинѣ четвертаго утра, двое изъ младшихъ, назначаемыхъ по очереди, встаютъ, чтобы развести огонь, вскипятить воду и разбудить тѣхъ изъ старшихъ, которые дали на то приказаніе. Часто старшій, разбуженный въ четыре часа, встаетъ не ранѣе половины осьмого; въ такомъ случаѣ необходимо будить его каждые полчаса.... Обязанность эта выпадаетъ на долю каждаго ребенка два или три раза въ недѣлю». Прибавьте къ этому еще всѣ обязанности, встрѣчающіяся въ теченіи дня и вечера. Старшіе очень любятъ чай, имъ нуженъ онъ три раза въ вечеръ, не говоря уже о кофе.... Каждыя двѣ минуты надо наполнять чайники. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что по субботамъ (день отпуска въ Вестминстерѣ), когда его сынъ возвращался домой изъ коллегіи, ребенокъ былъ до такой степени изнуренъ недостаткомъ сна, что первымъ дѣломъ его было идти спать.—Для поддержанія такого точнаго и мелочного повиновенія, старшіе пускаютъ въ ходъ терроръ. «Пощечины, удары ногой—самая обыкновенная вещь и не считаются даже наказаніемъ. Къ первой категоріи настоящихъ наказаній причисляются систематическія пощечины: наказуемый долженъ опустить руки вдоль тѣла и подставить голову подъ цѣлую дюжину пощечинъ, задаваемыхъ справа и слѣва». Въ другой разъ онъ долженъ положить ладонь на столъ; остріемъ деревяннаго ножа ударяютъ по рукѣ, иногда такъ долго, что производятъ на ней насѣчку. За этимъ слѣдуютъ палочные удары, потомъ два вида «lannage». По икрамъ ребенка ударяютъ ракеткой, употребляемой при игрѣ въ мячъ, и такимъ образомъ царапаютъ въ кровь его ноги, или же онъ долженъ поставить на жолобъ, проведенный отъ земли на разстояніи, равняющемся вышинѣ стола: мучитель его разбѣгается шага на три, на четыре и ударяетъ ногою по обнаженному такимъ образомъ мѣсту.—«Я слыхалъ,—передаетъ разсказчикъ,—о двухъ или трехъ случаяхъ, когда дѣти были такъ тяжело ранены, что долго не могли принять участія въ играхъ и другихъ упражненіяхъ. Тома Броуна раскачали разъ на одѣялѣ и бросили вверхъ съ такой силой, что онъ ударился о потолокъ. Однажды, вслѣдствіе отказа его продать старшимъ свой лотерейный билетъ, его схватили, положили вдоль пылающаго очага, ибуквально жарили его до такой степени, что онъ былъ готовъ лишиться чувствъ.»

Случай этотъ дѣйствительно совершился, и романъ описываетъ только подлинный фактъ. Къ тому же, въ жизни Коупера, лорда Байрона и сэра Роберта Пиля встрѣчаются случаи еще болѣе возмутительные. Безъ сомнѣнія, все это самыя мрачныя черты, и такъ какъ англичане стойки въ произведеніи реформъ, то картина эта начинаетъ проясняться. Но, допустивъ даже окончаніе реформы, внечатлѣніе тѣмъ не менѣе остается тяжкимъ, такъ какъ въ сущности школа, веденная такимъ образомъ, есть не что иное, какъ первобытное общество, гдѣ сила господствуетъ почти безконтрольно, тѣмъ болѣе, что изъ самолюбія угнетенные никогда не хотятъ выдать угнетающихъ. Наставникъ вступается какъ можно меньше; онъ не служитъ, какъ у насъ, вѣчнымъ представителемъ гуманности и справедливости; лишь въ рѣдкихъ случаяхъ и въ немногихъ школахъ прибѣгаютъ къ нему или къ совѣту старшихъ. Слабые предоставлены сами себѣ; они должны мучаться и терпѣть. А между тѣмъ, какой соблазнъ для молодого, здороваго человѣка имѣть власть и право наносить удары! Не хорошо давать ходъ инстинктамъ властолюбія и жестокости. Привычка влечетъ за собой злоупотребленіе; требовательность развивается въ насъ отъ практики, точно также и привычка наносить удары; не слѣдуетъ давать человѣку случая сдѣлаться палачемъ и деспотомъ. Вообще, воспитаніе, понятое такимъ образомъ, не лишено сходства съ воспитаніемъ Спартанъ; оно укрѣпляетъ тѣло и характеръ, но, какъ мнѣ кажется, часто вырабатываетъ только спортсменовъ и силачей.

Безъ сомнѣнія, умственное развитіе должно страдать отъ такого образа жизни. «Видя, что молодые люди готовы всѣмъ пожертвовать для крикета, что они посвящаютъ ему несоразмѣрное число часовъ и относятся къ нему съ энтузіазмомъ, вовсе не соотвѣтствующимъ времени и энтузіазму, посвящаемымъ ими труду,—видя, что ихъ умы такъ преисполнены этимъ упражненіемъ, что они не говорятъ, не думаютъ и не мечтаютъ ни о чемъ кромѣ крикета,—нѣтъ ничего удивительнаго, если многіе люди приписываютъ этой маніи къ мышечнымъ упражненіямъ бѣды умственныхъ результатовъ, добываемыхъ нами». Порокъ, незнакомый у насъ и связанный съ этимъ преобладаніемъ физическаго развитія надъ умственнымъ, это—жадность и страсть къ вину; поэтому однимъ изъ проступковъ, за которымъ слѣдуютъ розги, есть пьянство; многіе воспитанники положительно объѣдаются и между ними съ раннихъ лѣтъ встрѣчаются пьяницы.

Преподаваніе не таково, чтобы служить противовѣсомъ этимъ грубымъ вкусамъ; въ немъ нѣтъ ничего привлекательнаго; молодые люди не могутъ смотрѣть на него иначе, какъ на обузу, такъ какъ въ немъ мало чисто литературнаго и много техническаго. Всего важнѣе—хорошо знать по-гречески и по-латыни, писать правильно на этихъ двухъ языкахъ стихами и прозой, и дѣйствительно, благодаря практикѣ и памяти, многіе доходятъ до этого.—Въ одномъ только, именно въ знаніи и употребленіи греческаго языка, они стоятъ гораздо выше нашихъ лицеистовъ; въ моихъ рукахъ находится тетрадь сочиненій, удостоившихся награды, гдѣ сцены изъ Шекспира очень хорошо переведены греческими ямбами въ стилѣ Софокла.—Но въ другихъ отношеніяхъ я считаю ихъ слабѣе. Латинскій языкъ въ ихъ стихахъ и прозѣ менѣе изященъ и чистъ, чѣмъ въ нашихъ хорошихъ риторическихъ сочиненіяхъ. Кажется, будто они мало знакомы съ исторіей: они передаютъ легенды о Курціи и Регулѣ какъ подлинные факты, толкуютъ о рыцарствѣ и среднихъ вѣкахъ неопредѣленными общими мѣстами, какъ дѣлалось въ нашемъ старомъ университетѣ. Они какъ будто не сознаютъ разницы въ нравахъ, чувствахъ, идеяхъ и характерахъ, которая вырабатывается съ вѣками; очевидно, они не читали, какъ то дѣлаютъ наши хорошіе ученики, произведеній настоящихъ историковъ, какъ-то: Тьерри, Мишле, Гизо. Вообще у нихъ мало своихъ идей; если оставить въ сторонѣ текущіе и практическіе вопросы современной политики, любой ученикъ риторики въ парижскомъ лицеѣ имѣетъ болѣе своихъ мыслей. Они читали много класиковъ въ подлинникѣ, но объясненія, данныя имъ, чисто грамматическаго свойства и отличаются положительностью. Имъ не указываютъ на красоту прочитаннаго, на нѣжность слога и трогательность ситуаціи, на способы, употребляемые авторомъ, на характеръ его таланта и складъ его ума,—все это считается слишкомъ неопредѣленнымъ. Преподаватель не говоритъ съ слушателями какъ критикъ съ людьми, одаренными вкусомъ; онъ не старается развить въ нихъ тонкость литературнаго такта и не комментируетъ съ ними великихъ писателей страны. Точно такъ же и въ математикѣ: онъ болѣе передаетъ формулы, чѣмъ духъ ея; руководствомъ къ геометріи служитъ все тотъ же текстъ Эвклида, заученный и произносимый наизусть; разумъ и разсужденіе занимаютъ второстепенное мѣсто. Слишкомъ часто, это преподаваніе производитъ только эллинистовъ

и рутинныхъ вычислителей. Напротивъ того, молодой девятнадцати-лѣтній французъ, если онъ только уменъ и учился хорошо, имѣетъ общее образованіе, зародыши многихъ идей, нѣсколько собственныхъ полувзглядовъ, положительное предпочтеніе къ извѣстнымъ авторамъ и стилю, начатки теорій, неопредѣленныя воззрѣнія на изящное, на исторію, философію; по крайней мѣрѣ, въ немъ есть сознаніе, что существуютъ обширные вопросы первой важности, о которыхъ необходимо составить себѣ мнѣніе,—тѣмъ болѣе необходимо, что въ воздухѣ вокругъ него носятся зародыши скептицизма, что по большей части онъ самъ уже утратилъ свои религіозныя вѣрованія, что нѣтъ никакой, всѣми принятой или всѣмъ навязанной, доктрины, чтобы приковать его умъ, находящійся въ броженіи, и что, если онъ хочетъ бросить якорь въ пристани, онъ обязанъ найти эту пристань и создать этотъ якорь Здѣсь, многіе изъ знакомыхъ мнѣ образованныхъ англичанъ считаютъ свое воспитаніе въ коллегіи и даже въ университетѣ простымъ подготовленіемъ, гимнастикою, упражненіемъ памяти и вниманія,—болѣе ничѣмъ. «Выйдя оттуда, говорили они мнѣ, мы были принуждены передѣлать или, вѣрнѣе, вновь сдѣлать наше воспитаніе, пріобрѣсти самостоятельнымъ чтеніемъ все, что намъ необходимо знать изъ исторіи, философіи, политической экономіи, естественныхъ наукъ, искусства и литературы». Теперь начинаютъ исправлять эту ошибку, расширять кругъ; но онъ все еще узокъ; центромъ его все еще считается Эвклидъ и сафическій стихъ. Поэтому умъ, менѣе быстро развиваясь, позднѣе доходитъ до общихъ взглядовъ.

Вотъ еще одна подробность, окончательно опредѣляющая разницу между двумя странами; среднимъ числомъ, воспитаніе мальчика въ Гарро стоитъ двѣсти фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Много ли у насъ отцовъ, которые могли бы дать пять тысячъ франковъ въ годъ на воспитаніе сына? Во Франціи чиновникъ, человѣкъ, занимающійся одною изъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій, наживаетъ по большей части три тысячи франковъ въ тридцати-лѣтнемъ возрастѣ, пять тысячъ въ пятидесятилѣтнемъ; въ дополненіе къ этому, онъ имѣетъ обыкновенно лишь доходъ съ очень незначительнаго капитала. За то, въ видѣ возмездія, содержаніе сына стоитъ ему только тысячу франковъ въ коллегіи, четыреста франковъ въ малой семинаріи, къ тому-же стипендіи, назначаемыя государствомъ, весьма многочисленны. Я

полагаю, что, по вѣрному расчету, класическое воспитаніе стоитъ въ пять разъ менѣе во Франціи, чѣмъ въ Англіи.—Англичане сами сознаютъ, что привычка къ несоразмѣрнымъ тратамъ составляетъ ихъ національный недостатокъ. Субсидія парламента поддерживаетъ лишь 8,500 школъ для первоначальнаго обученія; та же субсидія поддержала бы 25,000 школъ во Франціи; она дала бы полное воспитаніе 1,500,000 французскихъ дѣтей, вмѣсто 650,000 англійскихъ. Г. Арнольдъ расчитывалъ, «что издержки на содержаніе и администрацію французскихъ школъ равняются одной четверти издержекъ на англійскія школы». Говорятъ, что въ Оксфордѣ, куда я ѣду завтра, и вообще въ университетахъ, студентъ тратитъ среднимъ числомъ триста фунтовъ въ годъ; однако двухъ сотъ достаточно, а нѣкоторымъ, путемъ экономіи, удается жить на сто франковъ. Авторъ Тома Броуна въ Оксфордѣ говоритъ объ одномъ очень бѣдномъ студентѣ, который обходился 75 фунтами, но только по тому, что онъ имѣлъ даровую квартиру; за то онъ пользовался всеобщимъ презрѣніемъ. У насъ же студентъ медицины или права, который располагалъ бы 1,875 франками и квартирою, былъ бы вполнѣ обезпеченъ; многіе имѣютъ только полторы тысячи франковъ, и тѣмъ не менѣе богатому даже и въ голову не пришло бы презирать бѣднаго товарища.

Вотъ я и въ Оксфордѣ въ сопровожденіи одного изъ fellows (причисленныхъ къ коллегіи), который отвѣчаетъ на всѣ мои распросы съ величайшей готовностью. Мы находимся въ цвѣтникѣ; рядомъ съ нимъ, отдѣленный отъ него только стѣною, помѣщается прекрасный огородъ; и то и другое принадлежитъ къ дому одного изъ професоровъ. Нельзя представить себѣ болѣе удобнаго и поэтическаго жилища для ученаго; но объ этомъ я поговорю еще впослѣдствіи,—теперь же я передамъ сущность нашего разговора.

Оксфордъ состоитъ изъ двадцати четырехъ коллегій или отдѣльныхъ учрежденій, вполнѣ независимыхъ другъ отъ друга и имѣющихъ среднимъ числомъ пятнадцать тысячъ фунтовъ годового дохода; коллегія Магдалины имѣетъ даже сорокъ тысячъ съ лишнимъ доходу Кромѣ того въ городѣ находится университетъ, состоящій изъ ряда професоровъ и служащій центромъ коллегій.

Коллегія состоитъ: 1) изъ директора (head), получающаго отъ 1000 до 3000 фунтовъ въ годъ; 2) изъ fellows съ 200 или 300 фунтовъ жалованья, 3) изъ тюторовъ (tutors),—это нѣчто въ родѣ репетиторовъ — надзирателей, оплачиваемыхъ частью съ доходовъ коллегіи, частью самими слушателями (отъ 400—500 фунтовъ), 4) изъ scholars, т. е. студентовъ, которые своими заслугами добились стипендіи въ 30 съ лишнимъ фунтовъ, 5) изъ студентовъ собственно, вносящихъ плату, числомъ ихъ отъ 40 до 80.—Изъ остального дохода заведенія оплачивается прислуга, повара, швейцаръ и т. д. и кромѣ того еще администраторы, управляющіе имуществомъ коллегіи.

Университетъ состоитъ изъ общества профессоровъ въ родѣ нашего Collège de France; студенты не обязаны слушать ихъ лекцій. Большинство профессоровъ получаетъ отъ 500 до 600 фунтовъ гонорарія; двѣ или три каѳедры приносятъ менѣе 200 фунтовъ доходу; за то другая каѳедра даетъ 1000 фунтовъ и нѣкоторые изъ профессоровъ богословія получаютъ до 1600: иногда съ каѳедрой связанъ каноникатъ или деканство при соборѣ, что даѳтъ отъ 1000—до 3000 фунтовъ въ годъ, кромѣ пользованія большимъ домомъ и садомъ. Но эти послѣднія лица обязаны жить хорошо, гостепріимно, участвовать во всевозможныхъ подпискахъ и т. д., такъ что, подобно епископамъ и другимъ сановникамъ, они часто тратятъ весь свой доходъ.

Въ Оксфордѣ находится около 1000 студентовъ *), въ Кембриджѣ 1100; есть также студенты и въ Лондонѣ. Но, вообще, высшее образованіе существуетъ преимущественно для аристократовъ, для богачей, для меньшинства, во первыхъ уже по тому, что оно стоитъ дорого (отъ 2—до 300 фунтовъ въ годъ), а соблазнъ тратить больше очень великъ, во вторыхъ по тому, что оно составляетъ интеллектуальную роскошь (чистая математика, греческій и латинскій языкъ) и замедляетъ начало болѣе доходной карьеры.

Студенты занимаютъ по двѣ или по три комнаты въ коллегіи. Они обязаны являться въ восемь часовъ въ церковь, въ пять часовъ къ обѣду въ залу (hall), возвращаться домой въ девять часовъ и присутствовать утромъ на конференціи тютора, а послѣ полудня на какой нибудь лекціи. Нарушеніе этихъ правилъ отмѣчается и наказывается, въ особенности въ случаѣ

*) Нынѣ ихъ 1300.

частаго повторенія его. Возвращаться домой послѣ девяти часовъ считается ошибкой, послѣ полуночи—важнымъ проступкомъ; вовсе не ночевать дома—даже очень важнымъ проступкомъ. Наказанія состоятъ въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ изъ денежнаго штрафа, начиная отъ пяти шиллинговъ и до фунта; въ другихъ—изъ pensum'а, болѣе или менѣе продолжительнаго, но чаще всего изъ выговоровъ со стороны директора, изъ запрещенія выходить по вечерамъ, изъ временнаго и наконецъ изъ полнаго исключенія. Подробности эти весьма важны, такъ какъ онѣ доказываютъ, что здѣсь школьникъ болѣе свободенъ, студентъ же менѣе свободенъ, чѣмъ у насъ. Мальчикъ, становясь молодымъ человѣкомъ, не переходитъ отъ монашеской дисциплины къ полной независимости, переходъ совершается постепенно. Въ школѣ онъ уже во многихъ случаяхъ предоставленъ самому себѣ;въ университетѣ онъ еще не вполнѣ самостоятеленъ. Подобная предосторожность превосходна. Привычка къ свободѣ служитъ нравственной гарантіей, надзоръ—гарантіей физической противъ злоупотребленій свободою. — Существуетъ еще одна охрана: Оксфордъ и Кембриджъ города маленькіе, поэтому студентъ не брошенъ какъ у насъ посреди искушеній столицы, не принужденъ вести жизнь сидячую, съ постояннымъ напряженіемъ мозга, безъ необходимаго противовѣса тѣлесныхъ упражненій; онъ не принужденъ искать развлеченія въ театрѣ, въ кофейныхъ, на бульварахъ, посреди всѣхъ возбужденій свѣта, разговора, удовольствій. Кутежей не бываетъ въ Оксфордѣ: служащіе при университетѣ обходятъ улицы послѣ девяти часовъ и могутъ взойти во всѣ таверны и публичныя заведенія. Кутилы ѣздятъ въ Лондонъ или другіе окрестные города; другъ мой утверждаетъ, что половина студентовъ отличается чистотой нравовъ. Главный ихъ недостатокъ—это страсть къ вину; пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ пьянство было господствующимъ явленіемъ и здѣсь и вообще во всемъ высшемъ сословіи, теперь же оно и здѣсь и тамъ становится рѣдкостью.—Вотъ еще одно послѣднее благопріятное обстоятельство: какъ школьникъ, такъ и студентъ остаются хорошими протестантами; религія, или по крайней мѣрѣ уваженіе къ ней, господствуетъ. Изъ сотни молодыхъ людей, съ которыми другъ мой имѣлъ случай говорить, только двое объявили себя свободными мыслителями; семьдесятъ принадлежали къ либеральному протестантизму (Broad Church), остальные къ двумъ оттѣнкамъ называемымъ High Church

и Low Church, изъ которыхъ одинъ любитъ пышные обряды, торжественное богослуженіе и приближается къ Пюзеизму, другой же походитъ на кальвинизмъ и отличается даже нѣсколько духомъ иконоборства.—Занятія продолжаются приблизительно три года; весь первый годъ проходитъ въ повтореніи всего пройденнаго въ школѣ. Первые два экзамена исключительно грамматическіе и лингвистическіе; они обнимаютъ двухъ или трехъ греческихъ или латинскихъ авторовъ, греческія и латинскія сочиненія въ прозѣ и стихахъ, нѣсколько вопросовъ изъ Библіи и Евангелія.—Третій экзаменъ обнимаетъ тѣ же предметы, но въ болѣе пространной формѣ и разсматриваетъ ихъ съ новой точки зрѣнія, именно съ точки зрѣнія исторической, критической и философской. Впослѣдствіи студентъ имѣетъ выборъ между тремя выходными экзаменами: одинъ изъ математики, другой изъ физики и естественныхъ наукъ, третій изъ языковъ, исторіи, права и политической экономіи. Студентъ, не выдержавшій экзамена, переходитъ въ другое заведеніе и начинаетъ сызнова, при второй неудачѣ онъ обыкновенно оставляетъ университетъ. Студенты бываютъ двухъ родовъ: иные добиваются высокихъ степеней, весьма полезныхъ и ведущихъ къ важнымъ должностямъ при университетахъ, въ церкви и т. д. Другіе же, и они здѣсь какъ и во Франціи составляютъ большинство, не имѣютъ другого желанія, какъ только добиться диплома: они посѣщаютъ лишь конференціи тюторовъ, не ходятъ на лекціи професоровъ, и ограничиваются минимумомъ занятій. Замѣчательные люди, которые образовываются при этой системѣ воспитанія, суть по большей части математики (въ особенности въ Кембриджѣ) или гуманисты (scholars). Но въ послѣдніе десять лѣтъ рутина ослабѣваетъ; современныя науки и мысли проникаютъ отовсюду и удерживаютъ за собой мѣсто; новыя каѳедры основываются, другія расширяютъ свое преподаваніе. Для этого стоитъ просмотрѣть статьи Станлея, Джоэтта, замѣчательную книгу озаглавленную Essays and Reviews. Извѣстный Максъ Мюллеръ преподаетъ здѣсь исторію и философію языка.

Все это только оболочка; главное, съ чѣмъ слѣдуетъ ознакомиться, это именно съ нравственностью, съ складомъ ума и съ преобладающими склонностями человѣка. Какъ живутъ эти молодые люди и что любятъ они?—Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, надо бы провести здѣсь мѣсяцевъ шесть; за неимѣніемъ

личнаго опыта, вотъ три или четыре очерка нравовъ, которыхъ мои друзья выдаютъ за вѣрные: Пенденнисъ, Теккерея; Томъ Броунъ въ Оксфордѣ, и маленькій, довольно веселый романъ, иллюстрированный самимъ авторомъ: Приключенія г. Верданта Грина. Вся сущность заключается въ томъ, что въ Оксфордъ и Кембриджъ стекаются сыновья знатныхъ семействъ, и что поэтому весь тонъ этихъ мѣстностей прилаженъ къ характеру и положенію въ свѣтѣ ея обитателей; англійскіе университеты во многомъ походятъ на клубъ молодыхъ аристократовъ или по крайней мѣрѣ богачей. Много разжившихся людей посылаютъ туда сыновей своихъ, единственно съ цѣлью дать имъ возможность пріобрѣсти важныя знакомства; нѣкоторые изъ бѣдныхъ или незнатныхъ студентовъ стараются угождать своимъ аристократическимъ товарищамъ, которые впослѣдствіи могутъ доставить имъ должность (living). Даже самые нравы университетовъ покровительствуютъ этому сословному различію. Въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ студенты-аристократы имѣютъ отдѣльный столъ, особенную одежду и разныя привиллегіи. Вообразите себѣ, если можете, подобный порядокъ вещей въ какомъ нибудь большомъ французскомъ заведеніи.

Авторъ Тома Броуна указываетъ въ коллегіи св. Амвросія на цѣлую группу бѣдныхъ студентовъ, составляющихъ нѣчто въ родѣ полустипендіатовъ и называемыхъ servitors *); богатые и аристократическіе товарищи ихъ смотрятъ на нихъ свысока. Въ нашей же технической школѣ, воспитанникамъ неизвѣстны даже имена стипендіатовъ; эти имена извѣстны только комитету, обязанному честью хранить молчаніе. Эта деликатность составляетъ принадлежность духа равенства. Здѣсь же, напротивъ, положеніе въ свѣтѣ и состояніе цѣнятся высоко. «Духъ лакейства и поклоненіе передъ деньгами, — говоритъ авторъ Тома Броуна,—вотъ самые распространенные и постыдные пороки наши»,—и не только въ Оксфордѣ, но и во всей Англіи. Въ другомъ мѣстѣ, говоря о своемъ героѣ, онъ присовокупляетъ: «Грустно сказать, но инстинктъ уже внушалъ ему, что бѣдность—стыдъ для англичанина, и что пока не знаешь человѣка основательно, необходимо дѣлать видъ будто считаешь его обладателемъ неограниченной суммы наличныхъ денегъ». «Еслибъ Черный принцъ былъ здѣсь,—говоритъ одно изъ лицъ

*) Въ настоящее время servitors болѣе не существуютъ.

романа,—я перемѣнилъ бы его девизъ: Ich dien (я служу) на слѣдующій: я плачу». Многіе изъ этихъ молодыхъ людей имѣютъ 500 фунтовъ стерлинговъ въ годъ и даже болѣе, и считаютъ эту сумму своими карманными деньгами; кромѣ того торговцы даютъ имъ еще въ кредитъ. Они дорожатъ возможностью тратить много, играть роль; они держатъ лошадей, собакъ, лодку; комнаты ихъ меблированы нарядно и богато. «Винопторговцы Лондона поставляютъ имъ ликеры по гинеѣ за бутылку, и вино по двѣ гинеи за дюжину. Сигары ихъ стоятъ двѣ гинеи за фунтъ; ананасы, оранжерейные плоды, самые рѣдкіе консервы подаются за ихъ ужинами». Они даютъ другъ другу самые утонченные обѣды, разъѣзжаютъ въ экипажахъ и и сорятъ деньгами въ тавернахъ Оксфорда и другихъ, лежащихъ по окрестнымъ дорогамъ. «Днемъ они охотятся, играютъ въ стиплъ-чезъ и на биліардѣ вплоть до закрытія дверей, и тогда приступаютъ къ vingt-et-un и къ безконечной бульотѣ (родъ карточной игры) въ своихъ комнатахъ, сопровождая все это пуншемъ и другими горячительными напитками, пока хоть одинъ изъ нихъ способенъ еще сидѣть и играть».

Заданная имъ работа ничуть не стѣсняетъ ихъ; въ теченіи перваго года она болѣе чѣмъ незначительна.—«Двѣнадцать двухчасовыхъ конференцій въ недѣлю, новый завѣтъ, первая книга Геродота, вторая Энеиды, первая Эвклида—въ общемъ два часа занятій въ день; все кончается въ двѣнадцать часовъ, самое позднее въ часъ. Нѣтъ никакихъ дополнительныхъ занятій въ видѣ сочиненій, стиховъ или другихъ упражненій. Порядочному студенту совсѣмъ не нужно готовиться; всему этому онъ уже учился; онъ уже впередъ знаетъ наизусть предметъ конференціи. Такимъ образомъ, свободныхъ часовъ еще болѣе чѣмъ у насъ въ первый годъ изученія права; при такихъ условіяхъ надо быть очень прилежнымъ отъ природы или очень самолюбивымъ, чтобы много заниматься, а это составляетъ принадлежность лишь немногихъ. Остальные слѣдуютъ своимъ инстинктамъ, и тутъ то въ полной силѣ высказывается различіе между англійскимъ и французскимъ темпераментомъ.

Во Франціи темпераментъ развивается рано; воображеніе ученика, сидящаго взаперти въ продолженіи долгихъ и скучныхъ часовъ, разгорячено; вредный столичный воздухъ коснулся его; разговоры старшихъ, нѣсколько разнузданная литература сдѣлали остальное: онъ имѣетъ глупость думать, что быть взрос-

лымъ преждевременно—почетно. Избавленный разомъ отъ всякаго контроля и брошенный посреди столицы, онъ видитъ вокругъ себя заразительный примѣръ, всѣ удобства инкогнито, и встрѣчаетъ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ соблазнъ. Къ тому же, въ этомъ отношеніи общественное мнѣніе болѣе чѣмъ снисходительно; оно возвышаетъ голосъ лишь во имя осторожности и хорошаго тона, рѣзко порицаетъ только пьянство, грубый кутежъ и порочныя связи, могущія кончиться бракомъ съ лицами низшаго происхожденія, но оно снисходительно смотритъ на шалости. Одна мать говорила мнѣ: «Когда мои сыновья ѣздятъ въ Аньеръ, я это знаю, но дѣлаю видъ, что не знаю». Имѣйте тактъ, мѣру, предусмотрительность: въ этомъ случаѣ, какъ и во всемъ остальномъ, свѣтская мораль не предписываетъ ничего инаго. Молодой человѣкъ не вѣдаетъ, что нѣтъ на свѣтѣ худшей траты силъ, что подобныя отношенія унижаютъ сердце, что послѣ десяти лѣтъ такой жизни онъ утратитъ половину своей воли, что мысли будутъ отзываться горечью и грустью, и что весь внутренній складъ его ослабнетъ и извратится. Онъ извиняетъ себя въ собственныхъ глазахъ, говоря, что мужчина долженъ до всего прикоснуться, чтобы все знать. Дѣйствительно, онъ познаетъ жизнь, но часто лишается при этомъ энергіи, душевной теплоты, способности дѣйствовать, и въ тридцать лѣтъ отъ роду онъ годится уже только въ чиновники, дилеттанты, провинціалы или капиталисты.

Здѣсь же, на сколько я могу судить, человѣкъ остается неприкосновеннѣе, во первыхъ по тому, что онъ подвергается дисциплинѣ, менѣе искушается и болѣе контролируется; во вторыхъ по тому, что общественное мнѣніе въ печати и разговорѣ здѣсь строже. Оно потерпѣло бы пьянство, но не распущенность. Книга, подобная Vie de Bohème, Анри Мюрже, стояла бы на ряду съ старинными циническими романами, и въ ней видѣли бы изображеніе негодяевъ, отъявленныхъ шалуновъ и полушулеровъ. Въ указанныхъ мною трехъ романахъ въ высшей степени господствуетъ приличіе. Одно выраженіе въ Томѣ Броунѣ указываетъ на группу богатыхъ кутилъ, имѣющихъ каждый любовницу въ деревнѣ; но они подвергаются порицанію, даже со стороны многихъ изъ ихъ товарищей. Въ трехъ герояхъ замѣтно нѣкоторое движеніе сердца, зарождающаяся любовь къ гризеткѣ, но они останавливаются сами, или же ихъ

удерживаютъ во время, и даже сами кутилы допускаютъ въ принципѣ, что соблазнить невинную дѣвушку—гадко.

Къ этимъ жизненнымъ правиламъ примыкаютъ два явленія, подкрѣпляющія ихъ: во первыхъ ранняя любовь и ранніе браки. Англичане влюбляются очень молодыми, иногда лѣтъ двадцати, и обыкновенно женятся нѣсколько лѣтъ спустя. Второе есть сильная, народная, почти всеобщая страсть къ тѣлеснымъ упражненіямъ, и въ этомъ отношеніи университетъ служитъ какъ бы продолженіемъ школы.—Играть въ крикетъ, грести, управлять парусными лодками, держать собакъ, травить ими стадо крысъ, удить рыбу, охотиться, ѣздить верхомъ, править на длинныхъ возжахъ, плавать, боксировать въ перчаткахъ (sparring), фехтовать и въ послѣднее время ходить на ученіе въ качествѣ волонтеровъ—вотъ занятія, всего болѣе интересующія англичанъ. Все это не слишкомъ-то вяжется съ наукою; уже давно Платонъ въ своихъ діалогахъ доказывалъ несовмѣстимость образа жизни атлета съ образомъ жизни мыслителя. По словамъ одного ученаго иностранца, хорошо изучившаго Оксфордъ, тонкости филологіи и высокія умозрѣнія философіи худо прививаются здѣсь по тому, что студенты ѣдятъ слишкомъ много и чрезмѣрно упражняютъ свои мышцы.

Но за то спортъ даетъ отличный исходъ избытку юношескихъ силъ, и въ этомъ случаѣ, какъ и въ школѣ, стимуломъ служитъ соревнованіе. Каждая коллегія имѣетъ свою лодку, съ восемью гребцами и рулевымъ, которые избираются одинъ за другимъ и упражняются съ давнихъ поръ. Недѣль за пять или за шесть до гонки судовъ, начинается всеобщее оживленіе. Проѣхать отъ двѣнадцати до двадцати миль ежедневно по рѣкѣ, обѣдать рано, ѣсть только черствый хлѣбъ, много мяса и пить очень мало вина, курить опредѣленное количество табаку, пить не болѣе двухъ кружекъ пива въ день, не ѣсть ни пирожнаго, ни мороженаго, не ужинать поздно, ложиться рано — вотъ образъ жизни, предписанный Тому Броуну. Въ теченіи первыхъ дней чувствуешь себя разбитымъ; въ теченіи послѣднихъ умираешь отъ жажды; во время состязанія напряженіе такъ велико, что рискуешь порвать жилу; добравшись до цѣли, многіе чувствуютъ головокруженіе и не могутъ говорить. Весь Оксфордъ на лицо—и университетъ и буржуазія; когда лодки пускаются въ ходъ, толпа бѣжитъ за ними вслѣдъ, крича, задыхаясь, перепрыгивая черезъ рвы, шлепая ногами въ водѣ, падая вдоль

берега. Надо прочесть описаніе этого событія, чтобы получить понятіе объ энтузіазмѣ и серьезности гребцовъ. Послѣдняя минута, та, что предшествуетъ сигнальному пушечному выстрѣлу,—истинно торжественна.—«Краткая минута? по истинѣ вы не говорили бы такъ, еслибы сидѣли въ лодкѣ, чувствуя, какъ сердце ваше трепещетъ и все ваше тѣло дрожитъ какъ въ падучей болѣзни. Эти шестьдесятъ секундъ, если вы впервые гребете на регатѣ,—клянусь честью, онѣ покажутся вамъ цѣлой жизнію.... Въ продолженіи первыхъ десяти ударовъ веселъ, Томъ слишкомъ боялся сдѣлать ошибку, чтобы видѣть, слышать или чувствовать что либо. Всѣ помыслы его были сосредоточены на человѣкѣ, сидящемъ передъ нимъ; онъ только и думалъ о томъ, какъ бы идти съ нимъ въ тактъ и сосредоточить всю силу въ ударѣ весломъ.... Какъ красиво видѣть перваго гребца, нагибающагося съ быстротой молніи при каждомъ взмахѣ весла, съ выгнутой спиной, стиснутыми зубами, работающаго всѣмъ тѣломъ съ правильностію машины?» Трубы раздаются, рукоплесканія усиливаются подобно грому, въ воздухѣ колеблятся вышитые платки. Вечеромъ побѣдители пируютъ въ большой залѣ коллегіи, раздаются рѣчи, рукоплесканія, тосты, пѣсни поются хоромъ, происходитъ веселая суматоха; ясно, что подобное торжество должно заманивать почти столько же, какъ пальма, раздаваемая на старинныхъ олимпійскихъ играхъ. Но интересъ еще болѣе усиливается, когда въ мартѣ конкурсъ происходитъ на Темзѣ между лодками двухъ университетовъ; въ продолженіи двухъ дней, въ Лондонѣ нѣтъ другого разговора.

Безъ сомнѣнія, развитіе мышцъ, понятое такимъ образомъ, влечетъ за собою извѣстную долю грубости. Студенты и городскіе обыватели (town and gown) боксируютъ при случаѣ на улицахъ. Но взамѣнъ, гимнастика и атлетическія упражненія имѣютъ то двойное преимущество, что ими усыпляется чувственность и успокоивается воображеніе. Кромѣ того, когда впослѣдствіи развивается нравственная и умственная жизнь, душа находится въ здоровой и надежной оболочкѣ. Молодые люди, гуляющіе здѣсь въ странномъ, традиціонномъ костюмѣ, (короткое черное платье и на головѣ что-то въ родѣ плоскаго кивера), полны жизни и силы, статны и видны, съ хорошими мышцами и, на мой взглядъ, съ менѣе безпокойной и усталой физіономіей, чѣмъ у нашихъ студентовъ....

За послѣдніе двадцать лѣтъ мало по малу совершается реформа, и многія черты сглаживаются въ этой картинѣ. Теперь во всѣхъ коллегіяхъ нѣкоторые изъ fellow могутъ жениться; къ слушанью лекцій допускаются диссиденты и католики. Страсть къ гонкамъ судовъ немного уменьшилась; студенты различныхъ сословій менѣе неравны между собою; въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ стали надзирать и ограничивать ихъ траты на столъ. Мало по малу Оксфордъ перестаетъ быть аристократическимъ клубомъ, гимнастическимъ заведеніемъ для атлетическихъ упражненій, какимъ то духовнымъ, англиканскимъ разсадникомъ; онъ на пути сдѣлаться современной школой, свѣтской и либеральной академіей.

Въ два часа сегодня происходила особая церемонія въ большой университетской залѣ. Костюмы самые забавные, въ родѣ тѣхъ, которые употребляются у насъ при раздачѣ наградъ на большомъ конкурсѣ; произносилась латинская рѣчь, напоминающая устарѣвшія рѣчи Сорбонны; за этимъ слѣдовало англійское стихотвореніе, сочиненное и прочитанное студентомъ, получившимъ награду; дѣло идетъ о сэрѣ Джонѣ Франклинѣ, и стихи чисто риторическіе. Пять или шесть извѣстныхъ иностранцевъ получаютъ почетное званіе доктора правъ, in jure civili, произносятся эти слова in ioure çaïvaïlaï. Одинъ изъ англичанъ привелъ извѣстное изреченіе Цесаря: Veni, vidi, vici, и произнесъ его все на тотъ же ладъ: Vénaï, vaïdaï, vaïçaï, на что сосѣдь мой отвѣтилъ ему: «Никогда Цесарь не могъ произнести подобной фразы».

Вечеромъ происходило засѣданіе, и читалась лекція физики и естественныхъ наукъ съ опытами, въ музеѣ, большомъ полу-готическомъ зданіи, воздвигнутомъ на подписную сумму и еще неоконченномъ. Дамы прохаживаются группами, въ яркихъ гуалетахъ: многія изъ нихъ, молоденькія, съ обнаженными плечами, носятъ очки.—Но непріятны только нѣкоторыя подробности; общее же впечатлѣніе города, зданій, ландшафта—величественно. Я уже обошелъ городъ; еще сегодня я бродилъ въ немъ подъ вечеръ. Всѣ эти коллегіи, окруженныя зубчатыми стѣнами, съ помѣщающимися въ нихъ часовнями, эта разнообразная архитектура всѣхъ вѣковъ, готическая въ стилѣ Тюдоровъ и семнадцатаго столѣтія, обширные дворы съ статуями и фонтаномъ по срединѣ, украшенія на вершинахъ зданій, рѣзко выдѣляющіяся на нѣжной синевѣ неба, окна, окруженныя

рѣшетчатой и тонкой рѣзьбой или вырѣзанныя крестообразно въ стилѣ Возрожденія, эти каѳедры изъ точенаго камня, коническія колокольни, встрѣчающіяся на каждомъ перекресткѣ,—всѣ эти изящныя формы, сгруппированныя на маленькомъ пространствѣ, составляютъ какъ бы музей, гдѣ скопились труды и изобрѣтенія шести вѣковъ. Пострадавшій отъ времени и облупившійся камень становится, благодаря этому, еще болѣе почтеннымъ! Человѣку такъ хорошо посреди остатковъ старины, тѣмъ болѣе, что здѣсь все это только старо, но не заброшено и не развалилось вполовину, какъ въ Италіи, а сохраняется, поддерживается благоговѣйно и находится со дня основанія своего въ рукахъ богатыхъ, развитыхъ и почтительныхъ къ старинѣ хранителей. Илющъ стелетъ по стѣнамъ свою пышную драпировку; жимолость вьется вокругъ колоннъ; дико-растущіе цвѣты окаймляютъ вершины всѣхъ стѣнъ; богатый газонъ, тщательно содержимый, разстилается даже подъ аркадами галлерей. За церковью виднѣется цвѣтущій садъ, съ милліонами распустившихся розъ. Но идите далѣе. Въ концѣ города вѣковыя деревья образуютъ мѣсто для гулянья; подъ ихъ вѣтвями текутъ двѣ быстрыя полноводныя рѣчки; за ними взоръ съ наслажденіемъ отдыхаетъ на полянахъ, покрытыхъ въ изобиліи травою и цвѣтами. Трудно вообразить себѣ болѣе богатой растительности, болѣе пышной зелени, яркость которой умѣрялась бы въ то же время сліяніемъ красокъ на маргариткахъ, лютикѣ, дикомъ щавелѣ, разбросанныхъ на ея блестящемъ фонѣ. Природа облечена во всю роскошь своей свѣжести; лишь только выходитъ солнце, все улыбается, подобно прекрасной и робкой дѣвѣ, счастливой подъ своимъ полуоткрывшимся покровомъ. Но день гаснетъ, бѣловатый паръ подымается надъ долиною, подъ его мягкой пеленою рѣка сверкаетъ черными переливами; настаетъ тишина; только одни колокола мелодически звучатъ съ колокольни Christ-Church'a. Трудно представить себѣ, что находишься во ста шагахъ отъ города: столько поэзіи и тишины здѣсь для занятій....

Я совершилъ прогулку въ Магдаленъ-колледжѣ, не уставая любоваться этими старыми зданіями, обвѣшанными плющемъ, и почернѣвшими отъ времени, этими зубчатыми башнями и окнами, въ особенности же широкими четыреугольными дворами, аркады коихъ образуютъ мѣсто для прогулки, въ родѣ того, которое мы видимъ въ италіянскихъ монастыряхъ. Аркады эти пустынны послѣ полудня,—развѣ пройдутъ по нимъ одинъ или

два студента; нѣтъ ничего лучше этого поэтическаго, всецѣлаго уединенія, посреди памятниковъ архитектуры, гдѣ ничто не напоминаетъ ни о смерти, ни о разрушеніи, ни о забвеніи. Подъ громадными вязами спокойно пасутся стада оленей; длинное шоссе, окаймленное величественными деревьями, извивается между двумя рѣчками. Оксфордъ лежитъ на старинной отмели; отъ этого происходитъ его влажность, свѣжесть и замѣчательная пышность зелени. Въ Ворчестеръ-колледжѣ большое озеро, на которомъ плаваютъ лебеди, омываетъ своимъ медленнымъ теченіемъ поляны, усѣянныя цвѣтами. Всюду кедры, чудовищные тисы, дубы, тополи возвышаютъ свои стволы и разстилаютъ свою зелень. Съ вѣтки на вѣтку стелится жимолость. Большіе сады Сентъ-Джона, маленькій садъ Вадгама составляютъ единственныя въ своемъ родѣ чудеса искусства. Они даже выше искусства, такъ какъ создаютъ ихъ время и сама природа; можетъ ли человѣческое знаніе произвести нѣчто столь прекрасное, какъ группа высоко живописныхъ трехсотъ-лѣтнихъ деревьевъ?

Возвращаешься и мѣняешь свое сужденіе, глядя сызнова на зданія; имъ также триста лѣтъ, и они, кажется, приросли къ почвѣ по такому же праву, какъ и деревья; цвѣтъ ихъ камня приноровился къ климату; время придало имъ частицу того величія, которое свойственно произведеніямъ самой природы. Ни въ чемъ не чувствуется механической правильности, отпечатка офиціальности; каждая коллегія развивалась сама по себѣ, каждая эпоха строила по-своему; здѣсь помѣщается грандіозный четыреугольникъ Крайстъ-Чэрча съ его газономъ, фонтанами и лѣстницами; тамъ, рядомъ съ Бодлейской библіотекой, масса зданій съ лѣпными порталами, высокими, разукрашенными и узорчатыми башнями и съ куполами, окруженными маленькими колоннами. Иногда часовня смотритъ маленькимъ соборомъ; въ нѣкоторыхъ коллегіяхъ обѣденная зала, вышиною въ шестьдесятъ футовъ, съ аркадами, походитъ на внутренность храма. Зала совѣта, выложенная стариннымъ деревомъ, достойна стать на ряду съ нашими старыми капитульными залами. Вообразите себѣ жизнь любого master'а или fellow въ одномъ изъ этихъ зданій, украшенныхъ готической рѣзбой, съ окнами въ стилѣ Возрожденія или среднихъ вѣковъ, вообразите его посреди роскоши суровой и величественной, съ множествомъ прекрасныхъ книгъ, эстамповъ, картинъ. Вечеромъ, сходя съ лѣстницы, когда свѣтъ колеблется на высокихъ, черныхъ конту-

рахъ, кажется, будто идешь посреди настоящей декораціи... Ни въ чемъ нѣтъ здѣсь недостатка—ни въ красотахъ искусства, ни въ свѣжести природы, ни въ серьезныхъ и величественныхъ историческихъ воспоминаніяхъ. Когда я обходилъ коллегіи, мнѣ называли имена бывшихъ обитателей ихъ, на вѣки прославившихся студентовъ, Виклефа, Чернаго принца, сэра Вальтера Раллея, Пима, Гампдена, архіепископа Лауда, Айртона, Адисона. Въ каждомъ зданіи путеводитель указываетъ имена основателей, время перестроекъ, усовершенствованій. Всѣ эти люди минувшаго кажутся еще живыми, такъ какъ ихъ творенія пережили ихъ и существуютъ и понынѣ. Мудрость древнихъ уцѣлѣла въ видѣ латинскихъ подписей на стѣнахъ; надъ одними часами можно прочесть слѣдующее торжественное изреченіе: Pereunt et imputantur. И городъ этотъ не вымеръ и не заснулъ; настоящая эпоха доканчиваетъ и пополняетъ твореніе древнихъ; современники теперь, какъ и встарину, поддерживаютъ дѣло постройками и пожертвованіями. Что касается Бодлейской библіотеки, то мы видѣли уже рукописи, драгоцѣнныя книги, портреты Ванъ Дика, Лели и Неллера; далѣе въ ней находится новѣйшая галлерея эскизовъ и оригинальныхъ картинъ Рафаеля, Микель-Анджело, гдѣ жизненность и поклоненіе передъ обнаженными формами, весь величественный паганизмъ возрожденія, выражены съ неподражаемой откровенностью; коллекція эта стоила семь тысячъ фунтовъ, изъ коихъ однимъ лордомъ Эльдономъ пожертвовано четыре тысячи. Я посѣтилъ два или три дома профессоровъ; одни изъ нихъ походятъ на старинные французскіе дома, другіе же вполнѣ современны и очень красивы, съ садами, цвѣтами, съ величественнымъ или граціознымъ видомъ. Самые старые изъ этихъ домовъ вмѣщаютъ въ себѣ весь современный комфортъ. Я сравниваю ихъ съ домами нашихъ ученыхъ, похожихъ на клѣтки и находящихся въ третьемъ этажѣ посреди большаго города, съ грустными квартирами въ Сорбоннѣ, и вспоминаю безцвѣтное и лишенное простора зданіе нашего Collége de France!—Бѣдные французы, живущіе какъ на бивуакахъ! Мы существуемъ лишь со вчерашняго дня и раззорены изъ рода въ родъ Людовикомъ XIV, Людовикомъ XV, революціей, имперіей. Мы все разрушили,—надо было передѣлать все съизнова. Здѣсь же новое поколѣніе не порываетъ связей съ предъидущимъ: реформы слѣдуютъ за учрежденіями, и настоящее, опираясь на прошлое, служитъ ему какъ бы продолженіемъ..